

DOI: <https://doi.org/10.51922/2074-5044.2021.4.154>

А. А. Артишевский

ИЗ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ ГИСТОЛОГИИ,
ЦИТОЛОГИИ И ЭМБРИОЛОГИИ

Сегодняшним студентам и молодым преподавателям не понять, какими глазами и с какими чувствами рассматривает фотографии на стендах и в публикациях об истории БГМУ человек, проработавший в ALMA MATER более шести десятков лет, бывший свидетелем и участником многих вузовских событий. Я хочу рассказать о героях одной фотографии, запечатлевшей рабочий момент в лаборатории кафедры гистологии в 1954 году.

(Ф О Т О) Слева: за микроскопом ассистент, к.м.н. Лариса Павловна Книга и заведующий кафедрой д.м.н., профессор Станчо Миленкович Миленков проверяют качество вновь изготовленных гистологических препаратов; справа: ассистенты Александр Иосифович Ювченко, Михаил Павлович Кравцов и аспирант Ленэрг Иосифович Красовский осваивают технику изготовления препаратов на тонких срезах... Почему выбор пал на эту фотографию? Во-первых, на ней ядро коллектива того времени; во вторых, запечатлён момент крутой перестройки на кафедре; в-третьих, потому, что моя профессиональная, научная и общественная жизнь длительное время была тесно связана именно с этими людьми. Я помню их живыми, полными сил и энергии, со своими достоинствами и слабостями, строившими интересные научные и семейные планы, всегда ставившими на первое место не семью, а работу. Тогда их называли «строители коммунизма». Не заблуждайтесь, думая, что запечатлена идиллия. На фото чувствуется напряжение. Начата перестройка работы кафедры. Бывший заведующий – профессор П. Я. Герке, уехал работать в г. Ригу

(избран академиком Латвийской АН). Приглашённый в МГМИ на его место профессор С. М. Миленков, знакомясь с кафедрой, обнаружил: что «студентов не обучают читать гистологические препараты; что преподаватели не знают микротехники, не умеют приготовить учебные и научные препараты; что студенты к занятиям и экзаменам готовятся только по конспектам лекций» и пр. В народе про подобную ситуацию говорят: «новая метла, по-новому метёт». Однако правда и то, что в Минске в остром дефиците учебники, их почти нет; правда, что микроскопы и препараты не выдаются каждому студенту, а только выставляются для демонстрации (по препарату на группу); правда, что «процветает меловая гистология» (лектор рисует мелками на доске, как выглядит орган под микроскопом, а слушатели рисунок копируют в конспектах и запоминают), и т.д. Пишу об этом как студент, оказавшийся в гуще этих реалий, и как сотрудник этой кафедры, прошедший затем тернистый путь от аспиранта до профессора. Именно на нашей группе, которую обучал гистологии ассистент А. И. Ювченко, заведующий кафедрой на экзамене продемонстрировал слабые стороны подготовки. «Напряжение» между студентами и экзаменатором, а также между ассистентом, нас обучавшим, и зав. кафедрой тогда мудро «разрулила» профессор Татьяна Васильевна Бирич – председатель госкомиссии, решив спорные вопросы в пользу студентов. Время показало, что она не ошиблась. Из них выросли известные учёные, глубокие и мудрые клиницисты, успешные администраторы... А. И. Ювченко подкупал всех нас знанием техники,

умением поправить микроскоп, знаниями не только гистологии, но и анатомии, включая технологию приготовления анатомических препаратов; тем, что многие экспонаты богатого анатомического музея созданы его руками, а ещё, что понимал наши финансовые проблемы, когда требовалось тратиться на цветные карандаши и альбом для зарисовок или ещё на что-то. Именно он подсказал, что можно зарабатывать на разгрузке вагонов. В первую же ночь с субботы на воскресенье мы – Миша Бруёк, Лёня Варвашеня, Миша Радюк и я – в перспективе трое будущих полковников медицинской службы и профессор – взяли разгрузить вагон с карело-финским лесом. Одолеть эту работу за ночь не смогли. На дне вагона остались два толстых ствола вековых деревьев, поднять которые не хватило сил. Работу нам не оплатили. Голодные, вымотанные до предела, мокрые из-за снега, который осыпался с брёвен, а затем таял на пропитанных потом одежонках, мы ушли, как говорят, «не солоно хлебавши». Об этом в понедельник рассказали А. И. Ювченко. Этот резковатый и вспыльчивый сорокатрёхлетний мужчина, когда речь шла о наглости и несправедливости, оказался чутким и хорошо знающим жизнь человеком. Он не только посочувствовал, но и связался с «Восточной товарной». И нам заплатили, высчитав за «подъём толстых брёвен из вагона и вытаскивание брёвен, упавших при выгрузке под вагон». Вскоре мы узнали, что он ютится с мамой в комнатке, расположенной в подвале анатомического корпуса. Что он сибиряк, сын учителя, лишившись отца в восемь лет, переехал с мамой в Минск. Что в 1941 году окончил наш медицинский. Видя наши сомнения насчёт возможности совмещать учёбу и работу, рассказал, что все годы учёбы в МГМИ работал старшим лаборантом кафедры нормальной анатомии и даже написал научную статью. Отечественную войну «от звонка до звонка» прослужил в действующей армии, имеет воинское звание майора медицинской службы, награждён медалью «За оборону Сталинграда», двумя орденами «Красной Звезды» и рядом других медалей. Проработав десять довоенных лет лаборантом и старшим лаборантом кафедры нормальной анатомии, он и после демобилизации из армии пришёл на эту кафедру – ассистентом. Когда же планы и мечты о научном росте потребовали кривить душой, на имя директора института за две недели до нового года написал заявление: «За 2 года моей работы на кафедре анатомии человека я не овладел методикой преподавания анатомии и не выполнил плана научной работы. В связи с вышеизложенным прошу освободить меня от занимаемой должности ассистента кафедры анатомии человека». На заявлении виза заведующего: «Не возражаю». А ведь двумя годами раньше рукой того же академика на заявлении о приёме на работу было написано: «Тов. Ювченко принял активное участие в работе кафедры анатомии до войны. Он вполне подготовлен для занятия должности

ассистента. Прошу зачислить». Все, кто знаком с особенностями вузовской сферы, понимают, что произошло что-то из ряда выходящее. Почему человек с 1931 по 1941 год был на кафедре успешным, овладел всеми используемыми методиками проведения научных исследований, написал научную работу, а став врачом, проработав четыре военных года старшим врачом танкового полка, плюс два года после демобилизации – ассистентом на кафедре, вынужден писать, что «не овладел методикой преподавания анатомии». Ясно, что это чужие слова, сказанные ему и больно ударившие по самолюбию. Кто и почему решил, что он не овладел такой методикой? Из опыта медицинского университета известно, что подрабатывающие студенты осваивают предмет кафедры, на которой работают, не хуже ассистентов и доцентов и именно из них вырастают прекрасные специалисты в будущем. Оказывается «черная кошка», пробежавшая между заведующим и ассистентом, это вопрос о научном руководстве. Страсти накалились до такой степени, что директор института освобождает ассистента и направляет в распоряжение министра, то есть свою головную боль перекачивает на голову Министра здравоохранения. Оказалось, заведующий кафедрой анатомии не желает держать на кафедре сотрудника, научной работой которого руководит его друг, уехавший в Ригу. Вникнув в суть вещей, министр своим приказом назначает анатома ассистентом на кафедре гистологии МГМИ. На этой должности он и находился в момент, запечатлённый на фото. Не совсем гладко складывались у него отношения и с новым шефом. Выполняя поручения С. М. Миленкова по развёртыванию гистологических исследований, все обращались за помощью и советом к Александру Иосифовичу: и по вопросам заливки или заморозки материала, его резки на тонкие срезы, и по вопросу заточки микротомных ножей, чтобы получить такие срезы. Хотя это и вызывало у нового шефа чувство ревности, поскольку и он прошел школу лаборанта кафедры в Ташкентском мединституте, но не было главным. А. И. Ювченко решением министра был переведён на кафедру гистологии завершать кандидатскую диссертацию под руководством П. Я. Герке. Кстати, похожим способом был переброшен на гистологию позже и ассистент А. Г. Лайков с повышением в доценты. Все понимали, что назойливая опека и контроль со стороны шефа – это реакция, что не ему доверено руководство диссертацией. «Придирчивое отношение» заставило Александра Иосифовича уйти с кафедры нормальной анатомии, обижало оно и теперь. Человек, не раз смотревший в глаза смерти, болезненно воспринимал назидания и мелочную опеку, это заканчивалось перепалками с шефом. Эта неутомимая творческая натура у меня ассоциировалась с левой рукой писателя Лескова, подковавшим блоху. Работая ассистентом на кафедре гистологии, Александр Иосифович выполнил отличную диссертацию на сте-

пень кандидата на тему: «Синапсы коры головного мозга собаки», которая была блестяще защищена в г. Риге, получила прекрасный резонанс в прессе. Однако, имея перспективы дальнейшего научного роста, но не включив в учителя ни Д. М. Голуба, ни С. М. Миленкова, уехал работать во вновь создаваемый Гродненский государственный медицинский университет. Странная вещь – память, портрет этого человека есть на стенде кафедры анатомии, с которой он ушёл обиженным, а не на гистологии, хотя на гистологии он провёл интересные исследования и стал кандидатом медицинских наук в 1954 году. Зато на стенде, иллюстрирующем методическое совещание на кафедре гистологии в центре профессор и доцент, получившие эти звания и по существу являвшиеся не гистологами, а анатомами... Второе действующее лицо, с которым меня свела работа на кафедре гистологии, Михаил Павлович Кравцов – 39-летний ассистент, но уже шесть лет как защитивший кандидатскую диссертацию по офтальмологии. Знакомясь с его биографией понимаешь, что человек прислан на кафедру «для дальнейшего роста». Родился в деревне «Ленино» Гомельской области в 1921 году. После призыва в армию (1941 г.) служил в Лыжном полку, в который отбирали людей для специальной подготовки. В 1941–42 гг. окончил пехотное училище. За два следующих года, не будучи на фронте, вырос от командира взвода до начальника штаба батальона. Затем учёба в спецшколе разведывательного управления (1944–46 гг.). После демобилизации – студент МГМИ, Сталинский стипендиат (1946–51). Сразу после окончания института, без практического стажа, – аспирант кафедры глазных болезней; в 1954 г. – защита кандидатской диссертации и переход на кафедру гистологии в качестве ассистента. Официальная версия перехода – женитьба на враче-окулисте, тоже кандидате наук. В этой должности я и застал М. П. Кравцова, придя в аспирантуру. Будучи человеком коммуникабельным и членом парткома института, он знал про мою историю с аспирантурой и дал понять, что понимает меня, как никто другой. Что, как и я, в душе клиницист, лекарь, а вынужден заниматься препаратами. Эти слова для меня были словно соль на рану, потому что я поработал два года около хороших врачей, стал оперирующим отоларингологом, а в годы учёбы шесть лет работал медбратом. Больница и пациенты, оказание им помощи – моя несбывшаяся мечта! Когда я пишу об атмосфере, царившей в момент, запечатлённый на фотографии, то помню, как взаимоотношения между шефом и Михаилом Павловичем становились чем дальше, тем официальнее и прохладнее. Дослужив до начальника штаба батальона, привыкнув к повышенному вниманию со стороны окружающих, легко став кандидатом наук и планируя быстрый рост в докторе на кафедре гистологии, он болезненно воспринимал принцип С. М. Миленкова: «науку делать своими руками», то есть заниматься и заливкой материала,

и доведением ножей микротомом, и резкой блоков, и изготовлением гистологических препаратов. Его неговизм выражался не открыто, но в парткоме, членом которого он был, «зрело мнение» о руководстве кафедрой. Это чувствовал и шеф. Только вмешательство И. М. Стельмашонка, сменившего на посту директора профессора З. К. Могилевича, не позволило довести дело до рассмотрения на парткоме. Когда «защитился» Л. И. Красовский и встал вопрос о доцентуре, Миленков рекомендовал его и категорически не поддержал кандидатуру Кравцова, хотя тот уже семь лет был кандидатом наук. Более того, заявил, что и на следующую вакансию ему не следует рассчитывать. Это услышали не только в ректорате. Срочно была создана лаборатория эмбриональной патологии, заведовать которой поручили М. П. Кравцову с задачей: написание докторской диссертации. Теперь он был под крылом у профессора Ю. К. Гулькевича. Странные выражения делает жизнь. История с П. Я. Герке, посланным «укреплять латышскую науку», кое-кому не давала покоя снова. С. М. Миленкова, которому несомненно тоже снилось звание академика, руководство республики срочно командировало «на смотрины» в Болгарию. Законченную мною кандидатскую диссертацию отложили. Учёный Совет МГМИ формально поручил её прочесть и допустить к защите Ю. К. Гулькевичу, но тот для этого не нашёл времени... Диссертация у него на кафедре пролежала год. Идея «укрепить болгарскую гистологию и родить из минских гистологов ещё одного академика» не реализовалась. Спустя год, вернувшийся со смотрин ни с чем, С. М. Миленков за неделю пустил мою работу на защиту. Но теперь оказалось, что моя кандидатская пересеклась с планируемой докторской диссертацией М. П. Кравцова. Мною изучена гистология и гистохимия «гигантских» клеток коры надпочечников в эмбриогенезе, а эти клетки – стержень его докторской диссертации. Пришлось умерить прыть в плане углубления моих исследований, а докторанту умолчать об уже имеющихся публикациях... Создалась странная ситуация: прибалтийские гистологи, глубоко изучавшие эмбриогенез, включая патологические аспекты этой железы, меня цитировали, а минский докторант – нет. В 1971 году М. П. Кравцов защитил докторскую диссертацию и стал профессором. После распада СССР мы с ним сотрудничали в одном совете по защите диссертаций при БГМУ.

Крайний справа на фото – Л. И. Красовский, лысоватый 30-летний аспирант. Он был обласкан шефом, почти не имел причин ворчать по поводу черновой работы. Несмотря на замкнутый, упрямый и даже скрытый характер, шеф видел в нём свою смену и, как шептали коллеги, потенциального зятя. Но сердцу не прикажешь... Моё знакомство с этим человеком произошло, когда Минздрав не пустил меня в аспирантуру по отоларингологии, которой я занимался два года и экзамен по которой сдал «на отлично». Тогда рек-

тор и предложил поучиться в аспирантуре по гистологии, на которую не было претендентов. Форма требовала сдать экзамен по предмету. В комиссию включили Миленкова С. М., Кравцова М. П., Красовского Л. И. Миленков поручил дело Красовскому, а сам ушел читать лекцию, Кравцов сослался, что занят в парткоме. В итоге я сдавал экзамен одному Красовскому и не смог ответить на один из вопросов: – «Что такое полулуние Джиянуцци?» Получил четвёрку. Уговоры шефа и Кравцова поставить за ответ «пять», ни к чему не привели. Конкурса не было, и меня приняли на кафедру. Таким был этот аспирант. Пройдя фронттовую школу (1942–45 гг.) на Центральном, Западном, Юго-западном, 4-м Украинском и Прибалтийском фронтах в дивизионе знаменитых «Катюш» в качестве электро-механика-подрывника, а затем два года (1945–47) в Северной Корее и Китае, он узнал по чём «фунт лиха» и был награждён и боевым орденом, и боевыми медалями. Как понимает читатель, я шёл без восторга работать на одной кафедре с таким жёстко формальным человеком. Время расставило всё по своим местам. Я увидел этого недостаточно согретого мамой и не приласканного любимой женщиной, чёрствого и крайне заформализованного человека в разных ситуациях и не раз менял о нём свои оценки. Трудно поверить, что этот холодный сухарь, влюбившись «по уши» в мою однокурсницу Зину С., которая работала в детской клинике и инспектором в Минздраве, краснея просил сагитировать за него замуж. Пришлось объяснить, что сердце этой красавицы принадлежит другому человеку. Когда он женился на другой женщине и у них подрастал сын, с которым у отца не всегда складывались хорошие отношения, я не единожды пытался объяснить, что проректор или зав. кафедрой он для других ребят, а для своего – просто папа, от которого сын требует взаимопонимания. Нас удивляла его беспомощность в практической жизни. Когда грянула денежная реформа, у Красовского оказалось много денег, которые он собрал для покупки дачи. Меняли по нормальному курсу небольшую сумму. Зная, что этот человек не вор и не взяточник, все сотрудники кафедры помогли ему обменять эти деньги и купить дачу. Вся кафедра увидела и его стойкость и принципиальность, когда из-за хамства не поступил на кафедру родственник заместителя министра. Оказалось, Ленэрг (родители придумали имя из слов Ленин и энергия) может быть принципиальным в очень острой ситуации. После аспирантуры я занялся новой научной темой. Кафедра, усиленная молодыми аспирантами Пищинским А. В., Большой Е. И., рядом соискателей из больниц, приобрела хороший резонанс в прессе СССР и соц. стран. Шеф выступил с основным докладом на шестом съезде морфологов Союза. К нам в аспирантуру «захотел» и внук первого замминистра Марья Матвеевны. Парень, обходя с шефом кафедру, спросил, где он будет работать. Шеф пообещал, что тот займёт мой стол,

планируя меня с моей гистохимией переселить в другую комнату. Я в этот день в ЦНИЛ, расположенной в Новинках, осваивал пересадку надпочечников на животных. Внук замминистра зашёл в нашу комнату, ничего никому не говоря выбросил все мои бумаги и вещи. Приехав из Новонок, я нашёл их в мусорной корзине и под раковиной умывальника в углу комнаты. На мой вопрос: как это понимать? Никто ничего не ответил, в том числе и Красовский, который собирался принимать у парня аспирантский экзамен. На экзамене выяснилось, что соискатель уже имеет на руках приказ ректора о зачислении в аспиранты. Ленэрг Иосифович протянул ему экзаменационный билет, выслушал, что соискатель считает этот экзамен формальностью, поставил ему в ведомость двойку и расписался. Объяснения с шефом были короткими, с ректором – не дали результата, и приказ о зачислении пришлось отменять. Обиженные бабушка, шеф и ректор – проглотили эту пилюлю, а внуку нашлась аспирантура в другом месте. Эта скандальная история попортила нервы многим, но воевать с Красовским ни профессор Миленков, ни ректор не стали, учитывая его фронтовые заслуги и черты «человека сталинской закалки», а ещё и статус родителей (отец – генерал, мама – инструктор ЦК). Закончив кандидатскую диссертацию, он быстро стал доцентом, был Первым проректором, но в плане научного роста большой инициативы не проявлял. Занимаясь гистохимией, я предлагал обработать и срезы изучаемого им органа, но получил отказ. Отказался он и от изучения нейросекреции мозга, предложенного шефом, зато многие годы был надёжным завучем кафедры. Принципиальный и настойчивый, к сожалению, он не всегда был способен на гибкость, порой необходимую, чтобы построить продуктивные отношения. В 1981 году от кафедры его послали со студентами на картошку. Видя, что перед обедом студенты раньше положенного времени уходят с поля, он прочертил палкой линию между полем и деревней и заявил: кто пересечет эту линию раньше 12.30, будет отчислен из института. Разозлённые студенты стали шеренгой перед злосчастной линией и одновременно перешагнули через неё. Расценив это как бунт и восстание, руководитель доложил об этом в партком института. По команде секретаря парткома Р. Г. Зайца мне пришлось прямо с похорон отца ехать усмирять восставших студентов... На фотографии рядом с профессором работает ассистент Л. П. Книга. Грамотный гистолог, кандидат наук, человек из научной семьи. Муж – доцент на другой кафедре, отец мужа и свёкор Ларисы Павловны – известный белорусский отоларинголог, активный участник партизанского движения, профессор, зав. кафедрой. Защитив кандидатскую диссертацию, Лариса Павловна, как и Михаил Павлович, так и не удостоилась звания «доцент» на кафедре гистологии. Этот щекотливый вопрос решался трудно. Звание давалось далеко не каждому кандидату наук.

Она хороший специалист, в почёте у шефа, но растут молодые, осваивают новые методики, пишут статьи, и начальство, относя их к перспективным, отдаёт им предпочтение. Узнав, что её в очередной раз обойдут с доцентурой на кафедре, я порекомендовал её на должность доцента с самостоятельным курсом в пединститут (куда «сватали» меня с перспективой роста). В БПИ имени М. Танка Ларису Павловну избрали на должность доцента и присвоили это звание...

Никто не знает, как повернётся жизнь. На кафедре самым здоровым считался заведующий. Когда привозили и устанавливали тяжеленные лабораторные столы с тумбами и полками для посуды, то шеф, не цуравшийся тяжёлой физической работы, поднимал стол за один конец, а мы вдвоём или втроём – за другой. В те годы работали и по субботам. Однажды в доцентскую, где сидели втроём Л. И. Красовский, я и А. В. Пищинский, зашла наш старший лаборант Г. М. Шигель и передала мне просьбу шефа – зайти к нему в кабинет. Шеф, сидя в кресле за столом, кивнул на диван и сказал: «Посиди со мной». Просьба была непривычной. Я присел на край дивана, соображая, как освободиться поскорее. Суббота предполагала выполнение и дел семейных. Через какое-то время шеф продолжил: «Чувствую себя неважно... В понедельник лекцию по женской половой системе вместо меня будешь читать ты.» Я вскочил и стоя начал просить поручить эту тему Красовскому, который лучше подготовлен, что я её ещё не читал. Шеф отмахнулся от меня, как от назойливой мухи. Возможно, он уже разговаривал об этом с Красовским. Успокоившись, расспросил меня про жену, которая работала на скорой помощи в «лечкомиссии», спросил, можно ли её вызвать сюда, не под-

нимая паники. Когда узнал, что она на больничном сама, попросил, никому ничего не говоря, сходить с ним в лечкомиссию. Мы пошли пешком по улице Кирова медленным шагом. Мои уговоры поехать на такси или хотя бы троллейбусом, были категорически отклонены. На мои вопросы о самочувствии шеф отвечал, что всё прошло и чувствует он себя хорошо. В приёмном покое сняли кардиограмму, затем её расшифровал дежурный кардиолог и успокоил, что ничего опасного нет. Я позвонил домой, оправдываясь за опоздание. Узнав о причине, трое терапевтов нашей семьи настойчиво посоветовали шефу остаться и полежать в клинике. Шеф отрезал: «Это недопустимо! Ещё начнут отправлять на пенсию»... Отказался он и от такси. Мы тихим шагом подошли к его дому на проспекте Ленина и распрощались. Ночью с субботы на воскресенье шеф скончался от инфаркта миокарда в расцвете творческих сил, полный новых научных планов по исследованию нейросекреторных клеток головного мозга, радуясь, как автор, только что полученному патенту на изобретение нового метода для таких исследований. Я видел его последним из учеников и сотрудников. В понедельник, в соответствии с его волей, первый раз читал студентам лекцию на тему «Гистофизиология женской половой системы». Таковы воспоминания, навеянные этой фотографией.

P.S. Преждевременный уход шефа сказался на судьбах его учеников, задержал их рост. А кафедра, получившая хорошую базовую основу для педагогической и научной работы, многие годы сохраняла его энтузиазм и оптимизм, оставаясь в числе лучших в институте.

Литература

1. Вклад профессора С. М. Миленкова в развитие гистологии в БССР. В кн. «Вопросы истории медицины и здравоохранения БССР». Мн. 1984. С. 23–24.

2. Станча Миленкович Миленков в кн. «Сборник материалов 2-й международной конференции по истории медицины. Гродно, 2012, ГрГМУ, с. 14–16

References

1. Vklad professora S. M. Milenkova v razvitie gistologii v BSSR. V kn. «Voprosy istorii mediciny i zdravoohraneniya BSSR». Mn. 1984. S. 23–24.

2. Stancha Milenkovich Milenkov v kn. «Sbornik materialov 2-j mezhdunarodnoj konferencii po istorii mediciny. Grodno, 2012, GrGMU, s. 14–16.

Поступила 16.08.2021 г.